

Алексей Моторин

Увлечь своей идеей

В семье Пластовых все было подчинено творчеству; каждый знал, как идет работа над картиной. Помогали искать натуру, позировали сами, откладывая свои дела.

Он умел увлечь своей идеей родных. Вся семья жила заботой о картине – от эскиза до показа ее на выставке. Любопытен один случай. В июньский, солнечный день все ушли в поле косить сено. Дома осталась старенькая бабушка – мама Наталья Алексеевны. Когда уже заканчивали метать стог, неожиданно налетела гроза. Пошел сильный дождь. «Ох, Бог ты мой! Ведь зальет картину!» Бросив работу, Аркадий Александрович и Николай под сильным дождем побежали через поля, напрямки – домой, спасать картину «Сенокос», над которой Аркадий Александрович работал в то лето в сарае с дырявой соломенной крышей. Когда они прибежали, насквозь мокрые, сразу же метнулись в сарай, чтобы закрыть картину. К удивлению своему, они увидели ее завешанной разными тряпками, стали целовать бабушку за то, что она, при своей немощи, сумела уберечь картину от дождя.

Будучи большим мастером, он терпеливо выслушивал замечания других, даже не художников, по поводу своей работы. Бывало, Николай Аркадьевич скажет: «Отец, ну кого ты слушаешь!» – «Нет, Коля, если говорят, значит, тут что-то не так, надо поглядеть».

По своему опыту знаю, что позировать натурщики с неохотой, ленятся долго сидеть, да это и впрямь утомительно. Это не фотографироваться – «щелк» и готово.

Аркадию Александровичу присланихинцы позировали охотно: любили поговорить с художником, а после угоститься. Пластов рассказал мне свой секрет: «Я старался с самого начала схватить сходство. Когда модель видела сходство, позировала с интересом. Потом, отдыхая за бутылочкой, долго беседовали. Со временем призывали односельчане, посылали нарочного: «Дядя Аркаша, у нас свинью забивают, овцу режут, идите рисовать». Когда писал «Маму», мамы мне сами говорили о времени кормления. В эти часы я и приходил писать. А идешь улицей, встретишь подходящую натуру, скажешь: «Надо бы посидеть, порисовать...» – «Это можно». Смотришь, он тут же вскоре плетется. Детишек – так тех балуешь конфетками. Среди них всегда есть желающие попозировать».

Аркадий Александрович писал натуру, не принуждая смиренно сидеть и смотреть в одну точку. Наоборот, просил двигаться. Его ученик Виктор Киселев рассказывал, как на первых же занятиях Аркадий Александрович, посадив модель и дав задание, ушел по своим делам в деревню, а он остался работать. Натурщик сидел плохо, без конца двигался. Когда учитель пришел, Киселев стал жаловаться на это. «Постоянно менял позу? Пра-

вильно делал. Надо схватить сходство в движении натуры. Двигайся, Ваня, не сиди как мертвый».

По-настоящему раскрывалась богатая натура Аркадия Пластова на природе. Мне довелось быть с ним в поле, в лесу и видеть, с каким темпераментным волнением, словно сбросив десяток лет, приходил он в восторг от увиденного, быстро набрасывая цветными карандашами то, мимо чего мы, молодые, проходили равнодушно. Все привлекало его острый взор.

Вот он подходит к кусту шиповника и, вынув из сумки перочинный нож, срезает небольшую, с набухшими почками веточку, зовет маленького Колю. Увидев на дереве осиное гнездо, объясняет внуку, что к чему. Встал у муравейника, с интересом наблюдает. Замечает каждую интересную мелочь с пытливым любопытством молодого человека.

Аркадий Александрович неохотно шел на продажу своих работ. «Что из того, что продашь? – говорил он. – Уйдет работа бог весть куда. Не увидишь ее больше. А деньги... Что с них толку? Уйдут незаметно. Да и тратить-то их мне нет времени. Когда она на руках (в мастерской), все как-то надежней. Время от времени взглянешь на нее, припомнишь пережитое, пока ее писал. Теплее как-то на душе становится».

Когда обращались к нему из Министерства что-нибудь уступить для подарка высокому гостю, он всегда интересовался для кого, куда. Ничего не продавал для заграничьи. Не хотел, чтобы его работы уходили из родной России. Отмахивался: «А ну их!».

Аркадию Александровичу жалко было расставаться со своими работами. Но иногда он соглашался делать «повторения» картин. Я видел, как он писал «повторение» «У мельницы» для Ульяновского художественного музея. Не снимая со стены картину, сидя за мольбертом на довольно большом расстоянии, не делая контурного рисунка, сразу кистью в короткое время исполнил картину один к одному. Что ни мазок, то в точку! И по рисунку, и по цвету, и по тону. У него блестяще были натренированы глаз и рука.

Едем встречать Аркадия Александровича. Он приезжает из Москвы. На станции Майна сходит с поезда. Едем все: Николай Аркадьевич, Лена, маленький Коля, я. Дома остаются Наталья Алексеевна и нянька. Николай говорит, что всегда на вокзал берет маленького Колю, даже если приходится пропустить уроки в школе. Считает, что самые яркие воспоминания из детства в этих моментах.

Николай Аркадьевич дорогой рассказывает, что отец пользуется только этим путем, когда едет в Москву. Вначале до Майны добираемся пешком, потом приобретаем велосипед и по очереди едем. Тот, кто на велосипеде, уезжает

вперед, оставляет его в условленном месте и дальше идет пешком. Сзади идущий доходит до велосипеда, садится и едет дальше, вперед, обгоняя ушедшего. И так до самой станции.

В Майне поезд останавливается на одну-две минуты. Однажды Аркадий Александрович замешкался на остановке, поезд тронулся. «Эх, ты, мать честная, - спохватился он, - поезд-то пошел». Стал на ходу сбрасывать один за другим свой багаж, но поезд уже набирал скорость. Пришлось спрыгивать на ходу, а затем идти вдоль дороги и собирать свою поклажу.

На этот раз была задержка. Мы уже стали волноваться, но в это время в дверях появился, улыбаясь, Аркадий Александрович. «Как доехали?» - «Ничего, хорошо. Интересные люди в попутчиках были. Всю дорогу проговорили»...

Приезжаем домой. Аркадий Александрович первым делом осматривает двор. Берет лопоту хлеба, отправляется к конюшне. Идет к корове, гладит ее, дает хлеб: «Кормилица ты наша!» Признается, что, возвращаясь домой, всегда первым долгом подходит к буренушке. Видно было, что он рад возвращению к родному очагу.